

ГЕНЕРАЛЬНАЯ
АССАМБЛЕЯ

Distr.
GENERAL

A/5096
27 February 1962

ORIGINAL: RUSSIAN

ПИСЬМО ПОСТОЯННОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК ПРИ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ
НАЦИЙ ОТ 27 ФЕВРАЛЯ 1962 ГОДА НА ИМЯ
И.О. ГЕНЕРАЛЬНОГО СЕКРЕТАРЯ

Имею честь направить при этом Послание Председателя Совета Министров СССР Н.С. Хрущева Президенту США Дж. Кеннеди от 21 февраля 1962 г. относительно предстоящей работы Комитета восемнадцати государств по разоружению.

Прошу Вас принять меры к распространению Послания Председателя Совета Министров Союза Советских Социалистических Республик и настоящего письма в качестве официального документа Организации Объединенных Наций.

В. ЗОРИН

Постоянный представитель
Союза Советских Социалистических
Республик при Организации Объединенных
Наций

ПОСЛАНИЕ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР
Н.С. ХРУЩЕВА ПРЕЗИДЕНТУ США ДЖОНУ Ф. КЕННЕДИ

"Уважаемый г-н Президент!

Получил Ваш ответ на предложение Советского правительства о том, чтобы начало работы Комитета 18-ти государств по разоружению было положено главами правительств (государств) стран, представленных в этом Комитете. Должен прямо сказать, что я огорчен Вашим негативным отношением к этому предложению.

Не скрою, я давно вынашивал мысль о том, чтобы начать работу Комитета по разоружению на самом высоком уровне. И как я уже писал, Ваше послание от 7 февраля застало меня в тот момент, когда я как раз работал над обращением по этому вопросу к участникам предстоящих переговоров, и это меня еще больше ободрило.

Однако после Вашего ответа на мое обращение положение выглядит совсем иначе.

Как следует из Вашего послания, Вы считаете, что если и возможно участие глав правительств в переговорах по разоружению, то оно должно быть отодвинуто до момента, когда будет достигнут определенный прогресс в переговорах. Но возникает законный вопрос – а кто же может с наибольшей вероятностью успеха обеспечить такой прогресс, создать благоприятную ситуацию для переговоров? Те, кто облечен всей широтой полномочий и кому принадлежит руководящая роль при формировании политики, или же те, кто не наделен такой ответственностью и, следовательно, ограничен в своих действиях заранее определенными инструкциями? Думается, что не может быть двух ответов на этот вопрос. Ясно, что у глав правительств куда больше возможностей для этого, чем у кого-либо другого.

Можно поставить вопрос и так: что лучше, что даст больше пользы – руководство, осуществляемое главами правительств на расстоянии, или же когда они сами, засучив рукава, возьмутся за самое трудное – дадут правильное направление переговорам и обеспечат тот прогресс, о котором Вы говорите в Вашем послании.

/...

Что касается меня, то мое жизненное правило — быть там, где делается главная работа, где важнее всего добиться успеха. Как я понимаю, положение главы правительства обязывает к этому. Оставаясь вдалеке от Женевы, мывольно или невольно должны были бы рассматривать проблемы, возникающие в ходе переговоров по разоружению, лишь как одно из многих других важных дел, которыми ежедневно приходится заниматься деятелям в нашем положении.

Скажу прямо, меня удивляет непоследовательность в некоторых доводах, выдвигаемых в Вашем послании. Вы соглашаетесь с тем, что главам правительств следует принять на себя личную ответственность за успех открывающихся 14 марта с.г. в Женеве переговоров по разоружению. Но тут же предлагаете выждать, пока министры иностранных дел не достигнут определенного прогресса. Ну, а если, как это бывало в прошлом, переговорам по разоружению не удастся продвинуться вперед, — что же, тогда главы правительств умывают руки? Но тогда что останется от их личной ответственности за ход переговоров, значение чего Вы подчеркиваете в своем послании? Нет, здесь концы с концами никак не сведешь.

На мой взгляд, лишена убедительности и Ваша ссылка на то, что прежде чем главам правительств станет возможным рассмотреть положение, складывающееся на переговорах по разоружению, должна быть сначала проведена большая работа по выяснению позиций сторон. Скажу больше, Ваше заявление, что нужно еще что-то довыяснить, меня крайне разочаровало. Как раз в том-то и беда, что до сего времени дело разоружения не шло дальше выяснения позиций. Сколько же можно еще заниматься выяснением, изучением, уточнением позиций друг друга, если этому были в сущности посвящены продолжающиеся уже полтора десятка лет переговоры, встречи и контакты на разных уровнях, бесконечные споры и диспуты.

Разве мало накопилось документов, дающих полное расписание этапов разоружения, излагающих во всех деталях и подробностях методы разоружения и меры контроля над ним, короче говоря, документов, которые совершенно четко выявляют позиции соответствующих

/...

правительств? Разумеется, к этой горе документов можно добавить еще не одну стопу бумаг, но от этого существующие армии не убавятся ни на одну дивизию, ни на одного солдата, а вооружение — ни на одну ракету, ни на один патрон. Задержка вызывается не тем, что нет ясности, по каким вопросам мы расходимся, а по каким напротив, наши взгляды ближе друг к другу. Дело давно уже упирается не в выяснение позиций, а в то, как преодолеть обозначившиеся разногласия и проложить путь к соглашению. Говорить же, что надо кому-то еще заняться выявлением позиций, — это просто отказываться от попыток направить переговоры о разоружении в практическое русло.

Если же действительно предыдущие переговоры оставили какие-то вопросы без ответа, то это, видимо, совсем не потому, что мало прилагалось усилий к их выяснению. Как я уже отмечал, разоружение вторгается в святая-святых каждого государства, в область обеспечения их безопасности, которую при нынешней обстановке в мире все предпочитают держать подальше от посторонних глаз. Определенная степень доверия и откровенности, без которой невозможно и приблизиться к решению вопросов разоружения, может быть поэтому достигнута только между теми, кто несет высшую ответственность перед народами своих стран за их безопасность. А ведь не кто иной, как главы правительств (государств) несут на себе эту ответственность. К тому же многие из них, если наступят времена испытаний, должны будут встать во главе вооруженных сил своей страны. Не приходится также доказывать, что при личном общении глав правительств скорее может появиться лучшее понимание стремлений друг друга, большее доверие и как следствие этого — кто знает — может быть и новые идеи.

Если опыт предшествовавших переговоров по разоружению в чем-то и полезен, то в первую очередь в том, что он показал, как мало можно ожидать практических сдвигов в деле разоружения без самого непосредственного и делового участия в переговорах деятелей самого высокого положения. Именно потому, что слишком выявлены позиции участников переговоров, сам собой приходит вывод о том, что только такие деятели могут столкнуть вопрос о разоружении с мертвой точки, если, разумеется, все стороны хотят этого.

/...

Поэтому ни министры, каким бы уважением они ни пользовались у правительств и народов своих стран, ни другие представители, какого бы ранга они ни были, ничего не добьются, если главы правительств не поставят переговоры на прочный фундамент, проявив волю и желание достигнуть договоренности по вопросам разоружения.

Раз у Вас нет желания возглавить сейчас делегацию США на переговорах в Комитете 18-ти и Вы приводите в объяснение своей позиции такой искусственный довод, как отсутствие соответствующей подготовки, то это может говорить лишь о том, что у Вас не созрела решимость пойти на соглашение по вопросам разоружения. Невольно возникает вопрос - не потому ли Вы, господин Президент, не хотите сейчас ехать в Женеву, что про себя уже обрекли Комитет 18-ти государств на неудачу, заранее ориентируетесь на то, что этот Комитет не обеспечит решения вопросов, ради которых он создан? Видимо, западные державы еще не готовы к соглашению по разоружению, и Вы поэтому думаете, что до поры до времени удобнее держаться несколько в стороне от переговоров по этому вопросу. Так остается всем мыслящим людям оценивать Ваше нежелание, чтобы Комитет по разоружению собрался на самом высоком уровне.

Свалить работу в Комитете 18-ти на министров иностранных дел, значит ясно показать, - и министры, конечно, поймут это, - что главы правительств, главы государств не хотят брать на себя ответственность за возможный провал переговоров и предпочитают, чтобы все грехи были возложены на министров.

Легко представить себе, как может в конечном счете обернуться дело. Министры иностранных дел, которые являются занятыми людьми, передают, что нередко бывает, ведение переговоров лицам, рангом пониже, а те, в свою очередь, работникам еще на ступеньку ниже. Вот так и получается, что переговоры практически ведутся в конце концов между чиновниками. Попробуй выяснить потом, где же личная ответственность глав правительств за переговоры, о которой Вы сейчас говорите.

/...

В послании от 14 февраля Вы, г-н Президент, ссылаетесь на то, что между нашими странами имеются существенные расхождения в вопросе о контроле над разоружением. Это верно, такие расхождения есть, но в чем их корень? Вы добиваетесь, чтобы Советский Союз согласился на установление контроля не только над вооруженными силами и вооружениями, которые сокращаются или уничтожаются в соответствии с договором, но и над той их частью, которая пока что остается у государств. Видно, США и их союзникам хотелось бы, чтобы Советский Союз отдал под контроль все свои вооруженные силы, раскрыл всю систему своей обороны еще до того, как по-настоящему начнется разоружение.

Должен сказать откровенно, при таком подходе к вопросу о контроле Вы ничего не достигнете, потому что мы на это не пойдем.

Советский Союз заинтересован в установлении самого строгого международного контроля за выполнением соглашения о разоружении. Если, к примеру, мы договоримся о всеобщем и полном разоружении по этапам, то, по нашему мнению, проведение всех мер по разоружению, предусмотренных для каждого этапа, должно тщательно проверяться. Мы не менее, чем кто-либо другой, хотим иметь уверенность в том, что вооружения и вооруженные силы, намеченные к ликвидации на данном этапе, действительно ликвидируются или с ними поступают так, как было заранее согласовано и записано в договоре. Вот это и есть настоящий, эффективный контроль за разоружением. Вы же предлагаете не контроль за разоружением, а совсем иное.

Представим себе, что мы договариваемся сократить вооруженные силы наших стран на несколько дивизий. Мы готовы пойти на это. Но Вы требуете установить контроль не только за роспуском этих дивизий, а за всеми вооруженными силами и вооружениям, находящимися в распоряжении у государств. Вот уж, поистине, как в пословице: за рубль барашка, да червонец сдачи.

В век ракетно-ядерного оружия, — а мы вступили в этот век, масса войск далеко не имеет того значения, какое имела в первую и вторую мировые войны. Теперь война сразу же приняла бы всеобъемлющий, всемирный характер и ее исход зависел бы не от действий войск,

/...

расположенных на линии, разделяющей враждующие стороны, а от применения ракетно-ядерного оружия, с помощью которого можно нанести решающий удар еще до того, как будут отмобилизованы и введены в бой массовые армии.

Таким образом, в современных условиях сокращение на несколько дивизий вооруженных сил государств несколько не изменило бы положения. Другое дело, контроль над военным потенциалом государств, который Вы хотите получить в обмен в сущности на незначительное сокращение вооруженных сил. Установление такого контроля дало бы крупное стратегическое преимущество государству, замысляющему агрессию.

Предлагаемый западными державами контроль, т.е. контроль фактически до разоружения, мы с полным основанием рассматриваем как шпионаж. Такой контроль позволит агрессивному государству расставить своих разведчиков на территории миролюбивых государств и собрать сведения о системе их обороны. И потом решить вопрос, пойти ли на дальнейшее разоружение или повернуть ход событий к войне.

Мы этого не хотим. Советский Союз стремится к честному соглашению, которое давало бы гарантию того, что ни в процессе разоружения, ни после его завершения не возникнет угрозы для безопасности какого-либо государства. Поэтому мы говорим - давайте разработаем договор о всеобщем и полном разоружении под самым строгим международным контролем и будем осуществлять положения этого договора по этапам так, чтобы контроль был соразмерен предпринимаемым шагам по разоружению. Завершив один этап разоружения под контролем, перейдем к проведению следующего этапа также под контролем. Это здравый реалистический подход к вопросу о контроле, и лучшего до сих пор никто не смог предложить.

/...

На первых этапах разоружения, разумеется, будут оставаться какие-то вооруженные силы и вооружения, которые временно окажутся вне сферы международного контроля. Но разве это изменит что-либо по сравнению с тем, что мы имеем сейчас. Ведь и сейчас мы не знаем точно количество вооружений, которыми располагает другая сторона. При поэтапном разоружении мы будем сокращать вооруженные силы и вооружения согласованными частями и, следовательно, соотношение сил и равновесие, которое установилось к настоящему времени, не будет нарушено.

Что же касается количества вооруженных сил и вооружений, о которых мы не будем иметь точных сведений после завершения каждого этапа, то оно будет непрерывно уменьшаться, пока не дойдет до нуля.

Где же здесь угроза для безопасности государств? Ее нет, и при таком подходе не может быть.

Этого никак нельзя сказать о предложениях западных держав. Настаивая на том, чтобы контроль шагал впереди разоружения, западные державы только укрепляют подозрения, что они преследуют какие угодно цели, но не разоружение.

Складывается впечатление, что ведется какая-то игра в разоружение. Народы всего мира требуют разоружения, они хотят сбросить с плеч бремя военных расходов, очистить горизонт от грозowych туч войны, а западным державам разоружаться не хочется.

Поэтому и появляются на свет разного рода планы, заведомо рассчитанные на то, что они будут отвергнуты другой стороной. Все это похоже с крючкотворством, к которому прибегают, чтобы похоронить живое дело.

Как иначе можно расценить такие рецепты разоружения, которые предусматривают сокращение на один процент войск, а распространение контроля на все остальные девяносто девять процентов вооруженных сил. Как иначе можно понять отказ западных держав хоть сколько-нибудь сократить размах военных приготовлений, например, ликвидировать военные базы на чужих территориях и вывести войска из Европы

/...

в пределы своих государств. Советский Союз готов хоть сейчас вернуть домой свои войска, находящиеся за рубежом, если западные державы поступят таким же образом.

Где же здесь настоящее партнерство, понимание чаяний народов, желание устранить опасность ракетно-ядерной войны, несущей невероятные бедствия и страдания всему человечеству? Ничего этого нет и в помине.

При таком отношении правительств западных держав к делу разоружения, когда за показными хлопотами вокруг вопросов контроля отодвигается куда-то на задворки главное - разрушение военной машины государств, действительно приходится опасаться, не ожидает ли новый комитет печальная участь его предшественников. Если нет желания договариваться на реалистической основе, то, понятно, ничего путного из переговоров по разоружению не получится, начнется ли работа комитета с участием глав правительств или на уровне министров иностранных дел, или на любом другом уровне.

Я не привык кривить душой и прятать правду в карман, поэтому скажу без обиняков: Ваше, г-н Президент, ответное послание, а также послание премьер-министра Г. Макмиллана породили у меня чувство, что, может быть, правы те журналисты, которые усматривают особые цели в Вашем предложении начать работу Комитета 18-ти на уровне министров иностранных дел. Они прямо связывают это предложение с заявлением Правительств США и Великобритании о намерении возобновить испытания ядерного оружия в атмосфере.

Как рассуждают журналисты? Они понимают, что Советский Союз не оставит без ответа эту агрессивную акцию. Безудержное стремление США и Великобритании наращивать свой ядерный арсенал и увеличивать разрушительную силу своего ядерного оружия неизбежно поведет к втягиванию Советского Союза в состязание в области накопления и совершенствования ядерного оружия. Понятно, что Советский Союз, который к тому же произвел гораздо меньше испытательных ядерных взрывов, не захочет отставать и сделает все, чтобы держать свое

/...

ядерное оружие на должной высоте. В результате заработают с невиданным еще размахом качели, вздымающие все выше гонку ядерных вооружений. Народы, естественно, будут возлагать ответственность за это на правительства США и Великобритании.

Вот в связи с этим и говорят, что, выдвинув идею проведения переговоров по разоружению на уровне министров, правительства США и Великобритании имели целью как-то парализовать отрицательное отношение общественного мнения к запланированному возобновлению ядерных испытаний, подсластить горькую пилюлю, сделав жест в сторону разоружения. Это мнение еще более окрепло, когда США и Англия ответили отказом на конкретное, деловое, дающее больше уверенности в успехе переговоров предложение Советского Союза начать работу Комитета по разоружению на самом высоком уровне с участием глав правительств. Как бы ни хотелось мне избежать неприятных слов, но сам собой напрашивается вывод, что в подобных комментариях журналистов есть, как видно, доля правды.

Куда же идет дело? Мы живем в такое время, когда стремительно развивается наука и техника, и буквально не по дням, а по часам рождаются новые научные и технические достижения. Ракетно-ядерного оружия становится все больше и больше, теперь его у нас и у вас уже тысячи единиц. Его обслуживают многие тысячи людей и их становится все больше и больше по мере увеличения количества ракет. Но чем больше привлекается людей к обслуживанию смертоносного ракетно-ядерного оружия, тем больше вероятность, что может произойти неожиданное. Ведь в США уже были случаи, когда "дежурные" бомбардировщики с грузом ядерных бомб терпели аварии и падали на землю, причиняя немалые неприятности.

А разве исключено, что нечто подобное может произойти не только с бомбардировщиками, но и с ракетами, оснащенными термоядерными зарядами? Кроме всяких других причин, может просто подвести психика того или иного человека, обслуживающего установку для запуска ракет, и вот случится непоправимое: на территории другого государства

/...

произойдет ядерные взрыв. Трудно будет тогда доказывать, что это - следствие несчастного случая и не больше. Да и будет ли время для каких-либо разъяснений и для их заслушивания? Случайный запуск одной ракеты с термоядерным зарядом может послужить сигналом к мировой военной катастрофе.

У охотников есть хорошее неписаное правило: даже если знаешь, что ружье не заряжено, никогда не направляй его в сторону человека, хотя бы и в шутку. Недаром говорят, что один раз в десять лет и незаряженное ружье стреляет.

Сравнительно недавно в печати сообщалось, что жизнь большого американского писателя Хемингуэя оборвал случайный выстрел при чистке охотничьего ружья. Как бы ни велика была эта утрата, все же в этом случае, в результате неосторожного обращения с оружием погиб один человек. Несчастный же случай при обращении с ракетно-ядерным оружием привел бы к гибели миллионов и миллионов людей, и многие были бы обречены на медленную смерть в результате радиоактивного заражения.

Все это лишний раз напоминает, что руководящим деятелям государств, несущим ответственность за судьбы народов, надо осознать действительное положение дел, к которому уже привела и ведет гонка ракетно-ядерных вооружений. Всеобщее и полное разоружение, т.е. полное уничтожение всего оружия, особенно ядерного, стало в наше время жизненно необходимой задачей, которая стоит превыше всего. В интересах скорейшего решения этой задачи Советское правительство стояло и стоит за то, чтобы работа Комитета 18-ти государств по разоружению была начата на самом высоком уровне.

Поиски соглашения по вопросам разоружения требуют отбросить ненужную щепетильность и поставить во главу угла интересы дела, интересы упрочения мира. Вот почему я хотел бы надеяться, что Вы, г-н Президент, не сказали еще своего последнего слова относительно Вашего участия в переговорах в Комитете 18-ти государств.

Советское правительство считает, что выдвинутые им предложения о всеобщем и полном разоружении под строгим международным контролем

/...

дают основу для достижения соглашения без ущерба для какой-либо одной стороны и без выгоды для другой. Мы, понятно, готовы рассмотреть и другие предложения, если они на деле обеспечат решение проблемы всеобщего и полного разоружения.

Если правительства западных держав хотят соглашения по вопросам разоружения, - а Советский Союз и другие социалистические страны хотят его достигнуть, то можно было бы твердо надеяться, что переговоры с участием глав правительств дадут ощутимые результаты, и соглашение станет возможным. Это явилось бы великой честью для тех, кто заложил в начале переговоров основу будущего соглашения и отыскал пути для преодоления существующих трудностей. И какой потом было бы большой наградой для глав правительств, глав государств подписать договор о всеобщем и полном разоружении, стать участниками исторического события, которое на века осталось бы в памяти всего человечества.

С уважением

Н. ХРУЩЕВ

Москва, 21 февраля 1962 г."
